

* * *

Бегут деревья за окном вагона,
Сжимает сердце острая печаль,
И серая распластанность перрона
Неумолимо ускользает вдаль.
Сквозь стук колес размеренно унылый
Летит к окну зеленая звезда,
А в памяти встает и то, что было,
И то, чего не будет никогда.

* * *

“Сонэчко!” – нежно коснулась
Трепетных струн Украина.
Юность, далекая юность
Встала опять возле тына.
Солнце застыло в зените,
В воздухе – горечь полыни,
Марева зыбкие нити
Делают вещи иными.
Плавают томно стрекозы,
Смотрят, чтоб все было в норме,
Рядом, за кучей навоза,
Курица выводок кормит.
Спелое яблоко звонко
Шлепнуло боком о землю,
Завороженно буренка
Звону подойника внемлет.
Брызнут пахучие струи,
Первая кружка для внучки,
С легкой улыбкой подую
В белую пенную тучку.
“Сонэчко, - бабушка скажет, -
Дуже тонэнька ты стала”.
Фартук неспешно повяжет.
“Можэ, видризаты сала?”
Голос смешинкой взорвется,
Высветив прошлого дали.
Словом, лучистым от солнца,
Вы меня снова назвали.

* * *

Висят подзорами туманы
Над речкой Сасенкой с утра.
Я снова в домике саманном,
И, будто, не было утрат,
И сердцу милая Украина –
Лишь оком большой земли.
На расстояниях бескрайних
Еще границы не легли.
Еще звучат былые песни,
Веселье плещет через край,
И в танцевальном круге тесно,

* * *

"Ты жива еще, моя старушка..."

С. Есенин

Пока живут еще старушки
В людьми забытых деревнях
И травы собранные сушат
В духмяных сумрачных сенях,
Где вековые ароматы
Полыни, мяты, чабреца,
На лавке старые ушаты
И рядом свежий след корца...
Жива Россия. И пред Богом
Все еще может быть права.
И говорят ему о многом
Молитвы простенькой слова:
"Подай сегодня хлеб насущный,
И отведи от нас беду.
Тот срок земной, что нам отпущен,
Дозволь прожить с собой в ладу..."
А вверх уходит – Боже Правый –
Спаси Россию в трудный час!
Многострадальная Держава
Опять в плену. На этот раз
Не мчится с гиканьем и свистом
Лихой раскосый басурман,
Не танк ползет, не слышен выстрел,
Лишь клевета, подлог, обман.
Растет невидимая сила
И разрушает изнутри.
Благословенная Россия
В незримом пламени горит.
И с каждым днем огонь все выше,
Неистов, яростен и лют.
Но вечеровой набат не слышит
Беспечный православный люд.
И лишь отдельные моленья
Осанну Вышнему поют.
Стоит старушка на коленях -
Спасает Родину свою.

* * *

Свет спокойной луны
Освещает дорогу.
Гаснут, еле слышны,
В этом вечере строгом
Звуки улиц усталых
И уснувших домов.
Неожиданно талым
Потянуло и вновь –
Лишь мороз и дорога,
И спокойная высь.
Нужно, право, немного,

– Эй, гармонист, давай играй!
И бабы лучшие наряды,
Чтоб в поле выйти, достают.
И – не поверите! – но радость
Приносит бескорыстный труд.
И за расхристанным туманом,
Попить присевшим у реки,
Растут во ржи косынкой рваной
И бредят Русью васильки.

* * *

*Памяти моего дяди
Алексея Неговора*

Здесь сентябрь, как пирог слоеный,
То оранжевый, то зеленый.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем, как домой собраться,
Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась, что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчел, в согласии дружном, стая.
А потом на широком блюде
Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распадался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лешка – костыль под мышкой,
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

* * *

На зеленой планете
Под названьем Земля
Неразумные дети
Вновь из пушек палят.
И кричат: «Я сильнее,
Это я победил!»
А от боли немея,
Выбиваясь из сил,
К ним взывает планета:
- Пощадите меня!
Я невзвидела света
От стрельбы и огня.

Чтоб почувствовать Жизнь.

КОЛОДЕЦ

Закало эхо в колодце заброшенном,
Стремится к воде перекатами звук,
Вращаясь, как ворот, который из прошлого
Хранит теплоту человеческих рук.
Смотрюсь в глубину. В древесине ободранной
Неведомым образом вырос цветок,
А глубже, давно не тревоженный ведрами,
В тени затерялся зеленый чертог.
И небо в конце. С наступлением сумерек
Там в бисере звезд загорелась луна,
И сразу теряется благоразумие,
И тянет к себе, как магнит, глубина...

ОСЕННЯЯ МЕЛАНХОЛИЯ

Вокруг одиноко, пусто,
И тянет ознобом с луга.
Укрылась осенней грустью,
Притихшая вмиг округа.
И с каждой минутой шире
Объятия липкой скуки.
Похоже, в туманном мире
Пропали живые звуки.
Лишь сосны бормочут сонно,
Толкая порой друг друга.
И голос их монотонный,
Как будто, идет по кругу.
Хожу я по кругу тоже –
Росли здесь когда-то грузди...
А сосны бормочут строже
И лишь добавляют грусти.

ОДИНОЧЕСТВО

Один. Тревожно сжало сердце, как тиски,
Предошущенье неизбежной боли.
Стучит и ломится назойливо в виски
Из сада резкий аромат магнолий.
Похоже, ход вещей взломала эта ночь.
Ни звезд, ни облаков – всё тьма собой объяла.
Разрозненные мысли ускользают прочь
Обрывками большого покрывала.
Цикады песнь прощальную вдали поют.
Звук прорывается и гаснет где-то.
И оторопь берет на несколько минут:
Не разминется ль эта ночь с рассветом?

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

На двор, где до этого буйствовал день,
Луч солнца, сверкая, струился по крыше,

Стали полны озера
Кровью вместо воды,
Открывается взору
След не той борозды,
Что оставит на пашне
Юный пахарь весной,
Здесь воронки кричащей
Снова ширится вой.
И зияют глазницы
В опустевших домах,
И границы, границы
На земле и в умах.

* * *

Сжалась, как шагреновая кожа,
Бывшая великая страна.
Стала абсолютно непохожей
На себя просторную она.

Только за распахнутой калиткой
Колобродит прежний соловей...
А туман распухшею улиткой
Зелень объедает у ветвей.

Цепь тревожно звякнула в колодце.
Долго ль новой ожидать беды?
Бог помилуй! – может быть придется
Нам платить за капельку воды.

За духмяный вересковый воздух,
За журчанье вешнего ручья.
Слюнки истекают у прохвостов –
Изобильна родина моя.

Выйду на рубиновом рассвете
Травы-изумруды собирать,
Рябью набегит жемчужный ветер
На аквамариновую гладь.

Все это дарилось, безусловно,
Мне, рожденной в звонкой красоте.
Пусть и дальше соловей влюбленный
Трели рассыпает в темноте.

* * *

Прикоснулась к корням,
Вновь припала к истокам,
Напоили меня
Здесь живительным соком
Эти лес и река,
Что достались в наследство

Легла мрачно-лиловая тень,
И стало так грустно, как будто бы вышел
За дверь человек бесконечно родной.
Толкнулась тревога – а вдруг не вернется,
И в жизни, теперь совершенно иной,
Останется вечно затмение солнца.

* * *

Не всколыхни серебряный сосуд,
Наполненный животворящей влагой,
И этих удивительных минут
Сумей сберечь дарованное благо.
За светлым днем придет, быть может, день
Неясности, тревог, непониманья,
Когда размолвки замаячит тень,
И все укроет сумрак расставанья.
Но будет память бережно хранить
Богатство, обретенное однажды,
И прежних дней связующая нить
Когда-то станет в жизни самой важной

* * *

Все прошло. Осталась только нежность,
А безумство страсти позади.
Открывает тихую безбрежность
Новая любовь мне впереди.
Ты не бойся. Больше не нарушу
Твой покой ничем случайно я.
Только где-то трепетную душу
Вдруг услышит вновь душа твоя.
Ты не бойся. Мы с тобой коллеги
И не более того давно.
И случайность проскользнувшей неги
Не пьянит нас больше, как вино.
Просто был такой чудесный вечер,
Долго мы не виделись с тобой,
Просто я немного рада встрече,
Вот и все. Причем же здесь любовь?

* * *

Я еще не исполнена счастья,
Но уже отвергаю беду
И на зов неизбежный и властный,
Всё приемля, как прежде, иду.
Сердце боль оправдало и снова
Ждет с надеждой любви и добра,
Приходящее кажется новым,
Но “сегодня” лишь отзвук “вчера”.
Мы как будто забыли до срока,
Что обязаны помнить века.
И опять повторим уроки,

На года, на века
От далекого детства,
Где за рыжей горой
Притаилось болото,
Там ночами порой
Плакал жалобно кто-то.
Мне печаль иногда
В сердце снова стучится,
И неясно тогда,
Плачу я или птица.

НА ФЕРМЕ

Здесь когда-то молочные реки
Меж кисельных текли берегов.
В двадцать первом свихнувшемся веке –
Только отзвук случайных шагов.
Ветер западный вольно гоняет
Шелуху долгих брошенных лет,
И дырявая крыша роняет
На пол горсточку медных монет,
Да лопух прорастает сквозь стену.
Он давно-предавно мне знаком.
Помню, как напоили отменным
Нежно-сладким парным молоком.
Я тогда возвращалась из леса
Мимо фермы – коротким путем.
И накрыло колючей завесой –
Неожиданно ярим дождем.
Град впивался в озябшее тело,
Словно дикий безжалостный зверь.
Повезло! На бегу разглядела,
Как приют, приоткрытую дверь.
Притомившаяся молодуха
Протянула кувшин с молоком,
А собака с оторванным ухом
Норовила лизнуть языком.
Выходило смешно и нелепо.
Словно горсть золотого тепла,
Мне краюху домашнего хлеба,
Улыбаясь, доярка дала.
Ноздреватого, с легкой кислинкой.
Помню запах его и теперь.
Он пророс во мне каждой крупинкой,
Заглушая печаль от потерь.

* * *

В саду заброшенном антоновка
Невероятно хороша.
И наливное, с ветки тоненькой,
Срываю молча я, спеша
Вдохнуть глубокий и пленительный,

Ошалев от событий слегка.
Тот, кто встретится в дальней дороге,
Вдруг окажется странно знаком.
Среди всех ты узнаешь немногих,
Говорящих твоим языком.

* * *

Всему на земле нужно время,
Чтоб силу почуять свою ...
Взошло полновесное семя,
И снова я песни пою.
О ясных медвяных закатах
Над сонной прохладной Окой,
Где месяц в убранстве богатом
Всю ночь караулит покой
Российской срединной природы
В излучине древней реки.
Здесь ивы плакучие в воду
Свои окунают платки,
И стайка берез белоствольных
Почти подбегает к воде.
Здесь так хорошо и привольно,
Как больше не будет нигде...
И водной мелодии вторя,
Иду вдоль реки не спеша.
Пою о российском просторе
И полнится светом душа.

* * *

Такие вот сегодня времена:
Апрель – а все бело от снега.
Не позволяет вырваться из сна
Природе расслабляющая нега
Несобранной и ветреной весны –
Она опять о сроках забывает.
Лишь на стволе коричневом сосны
Дрожит янтарно капелька живая.
И в унисон дрожит моя душа,
Туманные улавливая звуки,
И чувства обновленные спешат
Освободиться из объятий скуки.
Пусть напоследок ярится зима,
Созрела удивительная сила.
И, открывая жизни закрома,
Перерождение провозгласила.
И на пороге нового пути
Пульсируют волнующие соки.
Стучит в висках – Пора! Пора идти!
А сроки?.. Разные бывают сроки.

Неповторимый аромат.
И вспомнить ярко и пронзительно,
Как много-много лет назад
Шла через двор неспешно бабушка,
Сорвав такое же в саду.
На нем роса светилась радужно.
Стирая капли на ходу
Изнанкой фартука атласного,
Бабуля шествовала в хлев.
Несла буренке чудо-лакомство,
Мне подождать в саду велев...
Держу сейчас в руке антоновку,
Как будто кружку молока.
И в этот миг я – внучка Тонюшка,
И снова жизнь легка-легка.

* * *

Как мне мила деревня,
Покой и тишина.
Чуть сонные деревья
Склонились у окна.
И угольками звезды
Рассыпались во мгле,
И ничего не поздно,
Пока я на земле.
Могу слегка потрогать
Росинку на листе,
На выступе порога
Могу сейчас присесть.
Могу пройти по саду
И яблоко поднять,
И все-таки мне надо
Здесь многое понять...

* * *

На улице темно и сыро,
Как будто и не Рождество.
Оплавленной головкой сыра
Луна скользит сквозь небосвод.
А в доме теплится лампадка,
Все ожиданием полно,
И пахнет пряностями сладко,
Звезда опять глядит в окно.
Она глядит неугасимо,
Мерцающая слабо сквозь века.
Всепобеждающая сила
Есть в слабости, наверняка.

* * *

Радость моя – подснежник,
Первый цветок весны.
Льется потоком нежность
В мои голубые сны.
Может, всего лишь греза
Этот сплошной ковер,
На голубом березы
Ласкою тешат взор.
Может быть, это небо
Разбилось вчера в лесу,
А я его вместо хлеба
В ладонях сейчас несу.
Хочешь всю эту свежесть
Я подарю тебе,
Счастье мое безбрежно,
Радость в моей судьбе.

* * *

Какое пламя в небесах,
Какое пламя!
И облака, как паруса,
Плывут над нами.
И гомон ласточек стоит
Неудержимый.
Над лугом бабочка скользит
Все мимо, мимо.
Вонзают сосны в облака
Верхушки-стрелы,
Где небосвода край слегка
Подкрашен белым.
Шмель загудел и полетел
Своей дорогой.
Наверно, он сказать хотел:
“Ты нас не трогай”.
У тучи космы разметал
Беспечный ветер.
Себя не зная, красота
Царит на свете!

* * *

Лист на ладонь мне, кружась, опустился,
В темных прожилках зардевшийся лист.
День наступивший росой умылся –
Так лучезарен, прохладен и чист.
Я наберусь чистоты и прохлады,
Стану сама этой свежей росой.
И ничего-то мне больше не надо,
Только брести, по тропинке, босой.

